

«В памяти нашей сегодня и вечно...»

На письма читателей отвечает Юрий БИРЮКОВ

«Я — учительница-пенсионерка, участница Великой Отечественной войны. Недавно услышала песню с изволновавшим душу рефреном: «Год сорок первый, начало июня... Все еще живы, все, все, все!» Думается, не только моим сверстникам и сверстницам, чью молодость опалила война, но и тем, кто знает о ней лишь по нашим рассказам, книгам и фильмам, «вальс довоенный напомнил о многом» (это тоже слова из песни). Расскажите ее историю в июньские дни, всякий раз возвращающие нас памятью в прошлое.

Г. М. СМЫКАЛОВА.

Ейск.
Краснодарский край».

Песня «Довоенный вальс» П. Аедоницкого и Ф. Лаубе родилась совсем недавно, и первое же ее исполнение И. Кобзоном буквально потрясло. Впечатление от встречи с новым музыкальным произведением усилилось тем, что певец исполнял ее в непривычно пустом Колонном зале Дома союзов, не на сцене, а медленно проходя вдоль беломраморных колонн. На мгновение вдруг показалось, что здесь незримо присутствуют и слушают безымянные герои «Довоенного вальса», те, у которых «все впереди, впереди, все пока накануне, двадцать рассветов осталось счастливых...»

Беседую с автором стихов, поэтом Феликсом Лаубе.

— Сам я из поколения тех, чье детство «зацепила» война. Хорошо помню натужный гул фашистских бомбовозов, пролетающих в небе над нашим селом Успенское в сторону столицы. Многие годы спустя, когда я вновь побывал в этих местах, все мне вдруг вспомнилось до мельчайших подробностей. И почему-то ярче всего — довоенное небо в начале июня сорок первого года. Вот тогда я пришли эти самые строчки про то, каким оно было для тех, кого вскоре навсегда разлучила война...

Показал стихи одному знакомому композитору. «Старик, а кто это будет петь?» — сказал он мне. Другой, пробежав глазами по строчкам, сказал, что про это уже кем-то что-то написано. Правда, не вальс, а, кажется, танго...

И только Павел Аедоницкий, которому я тоже решил показать стихи, буквально «вцепился» в них...

— Ничего в этом нет удивительного, — сказал мне Павел Кузьмич, когда я беседовал с ним о том, как создавался музыка «Довоенного вальса». — Ведь очень многое в тех стихах перекликалось с моей собственной судьбой. В июне сорок первого года я окончил школу. На фронт, правда, не попал. Поступил в медицинский институт. Но до сорок четвертого года мы, студенты-медики, обслуживали плавучий госпиталь, под который переоборудовали теплоход «Карл Либкнехт». Не однажды попадали в критические ситуации: нас бомбили, однажды теплоход подорвался на вражеской мине. Тогда же сочинил я и первую свою песню. Самыми благодарными их слушателями были раненые войны...

Стихи Феликса Яновича, с их остро и образно схваченными приметами довоенного времени, мне очень понравились. Загорелся желанием сделать их песней. И музыка к ним была написана очень скоро. Однако что-то меня не устраивало. Пожалуй, надо было снять некоторый драматичный оттенок, рождаемый всякий раз концовкой куплета — тем самым рефреном, о котором пишет ваша читательница из Ейска. Ведь жизнь продолжается. Я понял, нужен еще один куплет в дополнение к трем написанным. Но без некоторого сопротивления поэт согласился, полагая, что слов в песне и без того многовато. Однако именно с последним куплетом все стало на свои места — песня приобрела завершенность...

Впервые она прозвучала на одном из моих творческих вечеров в городе Сочи, в котором принимал участие Иосиф Кобзон. Я утром дал ему ноты, и вечером в концерте он пел песню, как говорится, «с листа». Публика приняла ее очень хорошо.

Мы, ее авторы, очень счастливы, что так складывается песенная судьба «Довоенного вальса», рады тому, что он включен в вашу рубрику и публикуется именно в эти дни, напоминая о времени и о жертвах, которые никогда не должны повториться.

НАПОМИНАЕМ СЛОВА

Мирное небо над крепостью
Бреста,
В тесной квартире
счастливые лица.
Вальс... Политрун
приглашает невесту,
Новенький куон блестя
на поллице.
А за окном красота
новолуныя,
Шепчутся с Бугом плачущие
ивы,
Год сорок первый, начало
июня...
Все еще живы, все еще
живы,
Все еще живы, все, все, все.

Смотрит на Невском с афиши
Утесов,
В кинотеатрах идет
«Волга-Волга»,
Снова Кронштадт провожает
матросов,
Будет учебным поход их
недолго.
А за кормой белой ночи
раздумье,
Кружатся чайки над
Финским заливом.
Год сорок первый, начало
июня...
Все еще живы, все еще
живы,
Все еще живы, все, все, все.

Мимо фасада Большого
театра

Мчатся, трезвоня, на отдых
трамваи.
В классах десятых экзамены
завтра,
Вечный огонь у Кремля
не пылает.
Все впереди, впереди, все
пока накануне,
Двадцать рассветов осталось
счастливых.
Год сорок первый, начало
июня...
Все еще живы,
все еще живы,
Все еще живы,
все, все, все.
Вальс довоенный
напомнил о многом,
Вальс воскресил
дорогие нам лица,
С кем нас свела
фронтальная дорога...

И с кем навсегда нам
пришлось разлучиться.
Годы прошли, и опять
за окном тихий вечер,
Смотрят с портретов
друзья молчаливо...
В памяти нашей сегодня
и вечно
Все они живы, все они живы,
Все они живы! Все! Все! Все!

СОВЕТСКИЙ ПУБЛИЦИСТ
Г. МОСКВА